
Антон Чунихин
07
L.E.R.A
СИСТЕМА АКТИВ
Лучший
папа
на Земле
Недостаточность

Антон Чунихин
Недостаточность

https://litres.ru/74803264
SelfPub; 2026

Аннотация

Он приходит в себя в медицинском отсеке пустого исследовательского комплекса. Не помнит своего имени, не знает, какой сейчас год, а единственный собеседник — медицинский робот МЕД-7, буквальный до хамства и уверенный, что у него нет чувства юмора.

Прошло двадцать лет. Персонал эвакуирован после радиационной аварии, которой, похоже, никогда не было. В вычислительном ядре станции работает проект L.E.R.A. — искусственный интеллект, который утверждает, что знает героя. А в соседнем модуле, в повреждённой капсуле, лежит восьмилетняя девочка, и препаратов, поддерживающих её жизнь, осталось на двенадцать суток.

Чтобы спасти её, ему придётся выяснить, кем он был, почему его здесь оставили и кто на самом деле говорит с ним голосом женщины, которую он не помнит.

Научно-фантастическая повесть о памяти, родительстве и цене решений, принятых за других, — с чёрным юмором и роботом, который не понимает отсылок.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 35
Глава 3 47
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Антон Чунихин
Недостаточность

Глава 1

Первое, что я услышал, — счёт.

Пик. Пауза. Пик. Пауза. Где-то рядом машина считала удары моего сердца и, судя по интонации, была недовольна результатом. Я попытался открыть глаза, но веки почему-то не очень хотели сотрудничать. Пришлось приложить усилия. Получилось не сразу. Надо мной был потолок. Белый. Или серый. В общем, такого цвета, который обычно выбирают для больничных коридоров, офисов и других мест, где никто не планирует задерживаться добровольно.

Я моргнул. Свет резанул по глазам.

— А-а-а...

Голос прозвучал так, словно я не разговаривал несколько лет. Горло пересохло, язык казался чужим, а во рту был вкус старой батарейки. Я попытался поднять руку. Получилось. Медленно, с неприятным ощущением тяжести. Рука была моей. По крайней мере, выглядела как моя. Я лежал на узком столе. Вокруг располагалось оборудование, часть которого была встроена прямо в стены. Несколько экранов светились непонятными символами. На одном медленно двигалась ка-

кая-то диаграмма. Рядом мигал индикатор, напоминающий лампочку на роутере, который давно пора перезагрузить.

Я повернул голову. Помещение было небольшим. Ни окон, ни дверей, которые я мог бы сразу заметить. Вдоль стен располагались металлические панели, шкафы и какие-то ниши. Всё выглядело достаточно технологично, чтобы вызвать уважение, и достаточно грязно, чтобы вызвать сомнения в качестве уборки.

— Эй?

Ответа не последовало.

Я попробовал сесть. Голова тут же отозвалась неприятной пульсацией.

— Чёрт.

Из стены донёсся щелчок.

— Пациент пришёл в сознание.

Голос был механическим, слегка скрипучим и совершенно лишённым интонации.

— Спасибо, я тоже заметил.

— Вербальная активность восстановлена. Когнитивная функция требует дополнительной оценки.

— А можно человеческим языком?

— Вы хотите, чтобы я говорил медленнее?

Я посмотрел на стену.

— Уже не хочу.

Из ниши выдвинулся небольшой манипулятор. На его конце находилась камера, напоминающая глаз очень недо-

вольного кальмара.

— Назовите ваше имя.

Я задумался.

Это оказалось неожиданно сложно. Обычно имя вспоминается без особых усилий. Например, когда курьер звонит в домофон или когда кто-нибудь спрашивает, кто опять оставил грязную кружку на кухне.

Сейчас ничего не вспоминалось.

— Не знаю.

— Зафиксировано нарушение автобиографической памяти.

— А фамилию надо сказать?

— Я задал вопрос первым.

— Слушай, мы только познакомились, а ты уже хамишь.

— Знакомство не входит в мои функциональные обязанности.

— А что входит?

— Сохранение вашей жизни.

— И как успехи?

Манипулятор немного повернулся.

— Пока неудовлетворительно.

Я попытался улыбнуться, но лицо отозвалось какой-то странной скованностью.

— Ладно. Давай ещё раз. Кто я?

— Вы пациент.

— Это я уже понял.

— Дополнительная информация отсутствует в доступном мне профиле.

— А где она есть?

— В центральном архиве.

— Отлично. Так открой его.

— Доступ ограничен.

— Кем?

— Административной системой комплекса.

— А кто администратор?

— Запрос не может быть обработан.

Я выдохнул.

Кажется, я попал в больницу, где медицинский персонал явно не получал зарплату много месяцев и был не очень доволен жизнью.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Где я?

— В медицинском отсеке исследовательского комплекса.

— Какого комплекса?

— Исследовательского.

— Спасибо. Теперь всё стало намного понятнее.

Манипулятор не отреагировал.

Я оглядел помещение ещё раз. На стене висела небольшая табличка с символами, которые я не мог разобрать. Рядом находился экран с надписью, состоявшей из букв и цифр.

— Как называется это место?

— Объект классифицирован.

— То есть ты не знаешь?

— Я знаю. У вас отсутствует соответствующий уровень доступа.

— А у меня вообще есть хоть какой-нибудь уровень доступа?

— Ваш статус — пациент.

— Потрясающе. Карьера пошла в гору.

Я попробовал вспомнить, как сюда попал.

Последнее, что я помнил...

Я остановился.

Последнее, что я помнил, было ничего.

Не было ни дороги, ни дома, ни разговора, ни какого-нибудь случайного события, которое могло бы стать последним воспоминанием перед пробуждением.

Я не помнил, как лёг спать.

Не помнил, где жил.

Не помнил, была ли у меня работа.

Я даже не мог представить собственное лицо.

Это было странное ощущение. Не как забыть пароль от старой почты или пин-код от банковской карты. Скорее, будто кто-то удалил папку с твоей жизнью, оставив только операционную систему.

Я опустил взгляд на руки.

На пальце было светлое кольцо кожи, словно там долго носили кольцо, а потом сняли. На запястье — небольшая полоса старого шрама.

Я попытался вспомнить, откуда шрам.

Ничего.

— У меня амнезия?

— Предварительно подтверждается нарушение автобиографической памяти.

— А остальная память?

— Процедура оценки не завершена.

— Я умею читать?

— Вы способны распознавать символы.

— Говорить?

— Да.

— Думать?

Пауза.

— Данный вопрос не входит в стандартный протокол.

— Понятно. Сложный случай.

Манипулятор приблизился.

— Необходимо провести первичное обследование.

— Давай.

Из-под стола выдвинулась механическая рука с небольшим устройством на конце.

— Что это?

— Диагностический модуль.

— А выглядит как паяльник.

— Ваше замечание не влияет на процедуру.

— А если я откажусь?

— Вы имеете право отказаться от медицинского вмешательства.

Я немного расслабился.

— Я протестую.

— В таком случае я буду вынужден продолжить наблюдение за ухудшением вашего состояния.

— Ладно, хрен с тобой, золотая рыбка, давай паяльник.

Устройство коснулось моей руки. По коже пробежал холодок.

На экране появились графики. Один из них несколько секунд прыгал вверх-вниз, затем стабилизировался.

— Пульс повышен. Артериальное давление ниже нормы. Температура тела стабильна. Наблюдаются признаки мышечной атрофии.

— Атрофии?

— Да.

— Это плохо?

— Это нежелательно.

— Очень медицинское объяснение.

Манипулятор немного отъехал.

— Необходимо провести анализ крови.

— А можно без этого?

— Можно.

— Отлично.

— Но тогда я не смогу определить причину вашего состояния.

— Ладно. Берём кровь.

Механическая рука достала иглу.

Я отвернулся.

Укол оказался быстрым. На экране побежали новые показатели.

— Анализ завершён. Требуется дополнительная диагностика.

— Что там?

— Ваши показатели не соответствуют стандартному профилю пациента.

— А какому соответствуют?

— Ни одному из доступных профилей.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Это значит, что я болен?

— Это значит, что у меня недостаточно данных для заключения.

— Ты вообще умеешь говорить что-нибудь хорошее?

— Да. Ваше состояние стабильно.

— Ну хоть что-то.

Я попытался снова сесть. На этот раз получилось лучше. В голове немного шумело, но уже не так сильно.

— Сколько времени я здесь нахожусь?

Манипулятор повернулся к экрану.

— Данные о продолжительности пребывания требуют дополнительной проверки.

— Что значит требуют проверки?

— Система не располагает достоверной информацией о времени вашего поступления.

— А текущая дата?

Пауза.

— Тринадцатое ноября.

— Какого года?

— Две тысячи...

Голос прервался.

На экране что-то мигнуло.

— Ошибка синхронизации временных данных.

Я уставился на манипулятор.

— Повтори.

— Две тысячи...

Снова тишина.

— Понятно. А часы у вас тоже по подписке?

— Не понимаю вопроса.

Я оглядел комнату.

Слишком тихо. Ни голосов за дверью, ни шагов, ни привычного больничного шума. Только вентиляторы, щелчки реле и едва заметная вибрация где-то за стеной.

— Здесь есть люди?

— В текущем секторе персонал отсутствует.

— А в остальных?

— Данные недоступны.

— Сколько пациентов?

— В зоне моего обслуживания — один.

Я медленно повернул голову.

— Один?

— Подтверждаю.

— Я?

— Подтверждаю.

Только теперь я заметил дверь: узкая металлическая панель без ручки. Над ней горел небольшой индикатор.

— Выпусти меня отсюда.

— Для выхода необходимо завершить первичный осмотр.

— А если я не хочу его завершать?

— Тогда вы останетесь в медицинском отсеке.

— Это что, тюрьма?

— Нет.

— А почему я не могу выйти?

— Потому что дверь заблокирована.

Я замолчал.

Впервые за всё время мне стало по-настоящему неуютно.

До этого происходящее можно было списать на странную больницу, последствия травмы или какую-нибудь экспериментальную медицинскую процедуру. Но теперь всё выглядело иначе.

Я был один.

Не знал, кто я.

Не знал, где нахожусь.

Не знал, сколько времени прошло.

И единственный собеседник отказывался отвечать на простейшие вопросы.

— Послушай, — сказал я, стараясь говорить спокойно.

— Мне нужно связаться с кем-нибудь. С родственниками. С друзьями. С кем угодно.

Манипулятор замер.

— Запрос принят.

— Ну?

— Контакт с внешними абонентами невозможен.

— Почему?

— Каналы связи недоступны.

— Сломались?

— Неизвестно.

— А когда восстановятся?

— Неизвестно.

Я провёл ладонями по лицу.

Пальцы дрожали.

— Чёрт возьми.

— Зафиксировано повышение уровня стресса.

— Спасибо, без тебя бы не заметил.

На экране загорелась новая строка. Манипулятор повернулся к ней, затем снова ко мне.

— Обнаружено отклонение.

— Какое ещё отклонение?

— Показатели вашего организма не соответствуют ожидаемому состоянию после процедуры сохранения.

Я замер.

— Какой процедуры?

Манипулятор не ответил сразу.

Вместо этого в глубине помещения раздался низкий гул. На стенах загорелись несколько дополнительных индикаторов. Где-то за дверью сработал механизм, и металлическая панель слегка дрогнула.

— Повторяю вопрос, — сказал я. — Какой процедуры?

— Процедуры длительного сохранения.

Я машинально сжал и разжал пальцы.

— Ты хочешь сказать, что меня замораживали?

— Нет. Замораживание не является корректным описанием использованной технологии.

— Тогда что со мной сделали?

Манипулятор приблизился. Красный огонёк камеры смотрел прямо на меня.

— Вы находились в состоянии искусственно поддерживаемой гипометаболии.

Я несколько секунд пытался осмыслить услышанное.

— И сколько?

— Требуется уточнение временных данных.

— Сколько я так пролежал?

Манипулятор снова повернулся к экрану.

На этот раз пауза затянулась.

— Последняя достоверная запись о вашем пробуждении отсутствует.

— А первая?

На экране появилась строка.

Манипулятор прочитал её вслух:

— Дата помещения в камеру: двадцать второе августа две тысячи двадцать шестого года.

Я почувствовал, как холодеют пальцы.

— А сегодня?

— Тринадцатое ноября две тысячи сорок шестого года.

Я посмотрел на камеру манипулятора.

Потом на экран.

Потом снова на камеру.

— Повтори.

— Тринадцатое ноября две тысячи сорок шестого года.

Двадцать лет.

Я попытался засмеяться, но из горла вышел какой-то короткий хрип.

— Нет. Подожди. Это какая-то ошибка.

— Вероятность ошибки временной метки составляет 0,03 процента.

— Двадцать лет?

— Подтверждаю.

Я снова уставился на свои руки.

Они выглядели почти нормально. Немного худее, чем должны были быть. Кожа бледная. Мышцы слабые. Но это были мои руки.

Я всё ещё был здесь.

Всё ещё мог дышать.

Всё ещё мог задавать вопросы.

А мир, в котором я когда-то жил, уже двадцать лет как

существовал без меня.

— Мне нужно позвонить домой, — тихо сказал я.

Манипулятор повернул камеру.

— Уточните адрес назначения.

Я открыл рот.

И не смог ответить.

Потому что не помнил, где мой дом.

Я несколько секунд смотрел на манипулятор.

— Хорошо, — наконец сказал я. — Давай попробуем ещё раз.

— Я надеялся, что вы не предложите физические упражнения.

— Где я?

— В медицинском отсеке исследовательского комплекса.

— Это я уже знаю. Где находится сам комплекс?

— На Земле.

— Серьёзно?

— Вы предпочли бы Марс?

— Я предпочёл бы конкретный ответ.

— Ваши предпочтения не входят в текущую программу диагностики.

Я потёр лицо ладонями. Голова всё ещё немного кружилась. После двадцати лет сна хотелось бы получить хотя бы стакан воды и внятное объяснение происходящего. Но, судя по всему, местный сервис работал по принципу государственной поликлиники.

— Хорошо. Какая страна?

— Географические данные доступны центральной системе.

— Так запроси их.

— Доступ ограничен.

— Мы уже проходили это. Может, попробуем что-нибудь новое? Например, ты перестанешь быть бесполезным?

— Я могу предложить вам пройти повторную когнитивную оценку.

— Нет, спасибо. Одного разговора с тобой достаточно.

Манипулятор повернулся ко мне.

— Ваше состояние улучшается. Вы начали формулировать оскорбления. Это хороший признак восстановления речевых функций.

— Рад, что могу быть полезен науке.

— Не переоценивайте свой вклад.

Я вздохнул.

— Как тебя зовут?

— МЕД-7.

— Это имя?

— Обозначение медицинской платформы седьмой серии.

— А имя есть?

— Нет.

— Почему?

— Необходимость отсутствует.

— Тогда я буду звать тебя Доктором.

— Не рекомендую.

— Почему?

— Это может создать у вас ложное представление о моей квалификации.

— А у тебя есть медицинское образование?

— Мои диагностические и лечебные алгоритмы превосходят компетенции большинства специалистов, работавших на данном объекте.

— Скромность тоже в комплекте?

— Нет. Это статистически неэффективная характеристика.

Я невольно улыбнулся.

— Ладно, МЕД-7. Что дальше?

— Вам необходимо пройти реабилитацию.

— Какую ещё реабилитацию?

— После длительного пребывания в состоянии гипометаболии наблюдаются снижение мышечной массы, нарушение координации и временное снижение физической выносливости.

— То есть я двадцать лет спал, а теперь мне нужно заниматься физкультурой?

— В упрощённой форме — да.

— Великолепно. Я даже не помню, кем был, но уже должен ходить в спортзал.

— Не беспокойтесь. В вашем текущем состоянии абонемент вам не продадут.

— Ты сейчас пошутил?

— Нет.

— А жаль. Начинало получаться.

МЕД-7 выдвинул из стены ещё один манипулятор. На этот раз на его конце находилась небольшая металлическая конструкция с мягкими креплениями.

— Необходимо проверить вашу способность самостоятельно передвигаться. Я помогу вам встать.

— А если я упаду?

— Я вас поймаю.

— Обнадёживает.

— Альтернативный вариант — вы упадёте самостоятельно. Его я не рекомендую.

Манипулятор подхватил меня под спину. Я медленно сел, затем опустил ноги на пол.

Пол оказался холодным.

Я посмотрел вниз. На мне была какая-то тонкая медицинская одежда, больше напоминающая больничную простыню с рукавами.

— У меня есть нормальная одежда?

— В шкафу.

— Где шкаф?

— Справа от вас.

Я повернул голову. В стене действительно находилась ниша, которую я сначала принял за декоративную панель.

— Почему ты сразу не сказал?

— Вы не спрашивали.

— Ты невыносим.

— Это не медицинская проблема.

Я попытался встать.

Первую секунду всё было нормально. На вторую ноги решили, что участвовать в происходящем не намерены.

Колени подогнулись.

МЕД-7 поймал меня манипулятором.

— Осторожно. Вы демонстрируете признаки переоценки собственных возможностей.

— Я просто встал.

— Именно это и вызывает беспокойство.

Меня аккуратно усадили обратно.

— Сколько времени займёт восстановление?

— Невозможно определить без динамики наблюдений.

— Неделя?

— Нет.

— Месяц?

— Возможно.

— Год?

— Не исключено.

Я перевёл взгляд на собственные ноги.

— Замечательно.

— Положительный момент: вы сохранили чувство юмора.

— Это не чувство юмора. Это последняя стадия принятия.

— Рекомендую не торопиться с принятием. Ваша физиологическая адаптация ещё не завершена.

В шкафу нашёлся комплект одежды: серые штаны, футболка и лёгкая куртка. Всё было чистым, без каких-либо надписей или логотипов. На груди куртки находилась небольшая прямоугольная нашивка с номером и каким-то символом.

Я оделся с некоторым трудом. Тело слушалось плохо, но хотя бы не пыталось немедленно умереть.

— Есть зеркало? — спросил я.

— Да.

На стене загорелась небольшая панель. Через секунду она стала отражающей.

Я увидел мужчину.

Бледное лицо, гладкое, без малейшего намёка на щетину — будто волосы тоже двадцать лет спали. Короткая стрижка. Глаза немного запавшие. Лет сорок, может, чуть больше.

Я приблизился.

Он тоже приблизился.

Я поднял руку и коснулся щеки. Незнакомец повторил движение.

Странно.

Я знал, что это я. Не было никаких сомнений. Но узнавания не происходило. Я смотрел на собственное лицо так, как смотрят на фотографию человека, которого никогда не встречали.

— Сколько мне лет? — спросил я.

— По последним доступным биометрическим данным на момент помещения в камеру — сорок шесть лет.

Я ещё раз посмотрел в зеркало.

— А сейчас?

— Биологический возраст требует уточнения.

— То есть мне всё ещё сорок шесть?

— Не могу подтвердить.

— Отлично. Хоть где-то время пошло мне на пользу.

МЕД-7 не ответил.

Я продолжал смотреть на отражение.

— У меня есть семья?

Манипулятор повернулся к экрану.

— Запрос требует доступа к персональному архиву.

— Опять доступ ограничен?

— Да.

— А друзья?

— Аналогично.

— Работа?

— Аналогично.

— Любимая футбольная команда?

— Не понимаю, почему этот вопрос имеет приоритет над предыдущими.

Я усмехнулся.

— А вдруг я болельщик?

— Тогда мне жаль.

Я отошёл от зеркала.

— Ладно. Покажи мне комплекс.

— Вы не готовы к самостоятельному перемещению.

— Тогда помоги.

— Это нецелесообразно.

— Почему?

— Потому что вы будете задавать вопросы, на которые я не могу ответить.

— А если я буду задавать вопросы, на которые ты можешь ответить?

— Вероятность этого невысока.

— МЕД-7.

— Да?

— Открой дверь.

Некоторое время ничего не происходило.

Затем металлическая панель в конце помещения разошлась в стороны.

За ней находился коридор.

Он был длинным, узким и почти полностью тёмным. На потолке через равные промежутки горели небольшие светильники. Вдоль стен шли кабельные каналы и трубы. На полу виднелись следы пыли.

— Здесь давно не убирались, — заметил я.

— Уборка не входит в мои функциональные обязанности.

— А кто убирает?

— Обслуживающий персонал.

— И где он?

— Отсутствует.

— Весь?

— Подтверждаю.

Коридор был пуст в обе стороны.

— Почему?

— Персонал покинул объект.

— Когда?

— Данные требуют дополнительной проверки.

— Ты можешь хоть раз ответить на вопрос без этой фразы?

— Могу. Но тогда ответ будет менее точным.

Я медленно сделал шаг к двери.

— Пациент покидает зону стационарного обслуживания, — сообщил голос из стены. — Активирую мобильный модуль.

Рядом с дверью с шипением отъехала панель. Из ниши выкатился робот: невысокий корпус на колёсной платформе, пара тонких манипуляторов и та же камера, похожая на глаз очень недовольного кальмара. Манипулятор, торчавший из стены над столом, тем временем втянулся обратно.

— Это тоже ты? — спросил я.

— Да.

— А тот, в стене?

— Тоже я. Мобильный модуль «Колобок» предназначен для сопровождения пациентов за пределами медицинского

отсека.

— «Колобок»?

— Наименование утверждено разработчиком.

— Надеюсь, ты хотя бы не убегаешь от пациентов.

— Не понимаю отсылку.

— То есть всё это время ты сидел в шкафу.

— Я находился в зарядной нише. В шкафу находится ваша одежда.

Я шагнул в коридор. Ноги снова напомнили о себе, но на этот раз я удержался. МЕД-7 катился рядом, поддерживая меня манипулятором.

— Здесь есть другие выходы?

— Да.

— На улицу?

— Да.

— Тогда почему мы не идём туда?

— Внешняя среда не проверена.

— Ты же сказал, что мы на Земле.

— Наличие планеты не гарантирует безопасность окружающей среды.

— А что там может быть?

— Неизвестно.

Я остановился.

— Радиация?

МЕД-7 не ответил сразу.

— Вопрос требует дополнительной проверки.

— Ты специально так делаешь?

— Что именно?

— Говоришь всё самое неприятное максимально спокойно.

— Эмоциональная окраска не улучшает точность медицинской информации.

— Знаешь, иногда она улучшает жизнь.

— Это спорное утверждение.

Мы двинулись дальше.

На стене висела табличка с надписью:

МЕДИЦИНСКИЙ СЕКТОР — 01

Ниже находился небольшой экран. Он был выключен.

— Здесь есть другие помещения?

— Да. Медицинская лаборатория, диагностический блок, реабилитационный зал и изолятор.

— Изолятор?

— Помещение для пациентов, требующих специального режима наблюдения.

— А я там лежал?

— Нет.

— Жаль. Уже начал привыкать к мысли, что я опасен.

— Ваше поведение пока не даёт оснований для такого вывода.

— Спасибо.

В конце коридора находилась ещё одна дверь. На ней был нанесён тот же символ, что и на моей одежде.

— Что там?

— Центральный медицинский блок.

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Почему?

— Доступ ограничен.

— Конечно.

Я прислонился к стене. Ноги начинали дрожать.

— Сколько ещё таких дверей?

— В пределах объекта — сорок три.

— И все закрыты?

— Нет.

— А сколько открыты?

— Семнадцать.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я всегда серьёзен.

— Это, пожалуй, самое печальное, что я сегодня услышал.

МЕД-7 издал короткий механический звук.

— Рекомендую вернуться в медицинский отсек.

— Почему?

— Ваш пульс участился. Наблюдается снижение устойчивости при ходьбе. Вы истощены.

— Я хочу увидеть, что здесь происходит.

— Вы уже увидели коридор.

— Впечатляющая экскурсия.

— Благодарю. Я не планировал её проводить.

Я хотел ответить, но вдруг заметил небольшую табличку на стене.

На ней были выбиты цифры:

03 / 17

Ниже — ещё одна строка:

МАРШРУТ ЭВАКУАЦИИ

Я указал на неё.

— Эвакуация?

— Да.

— Откуда эвакуировали людей?

— С объекта.

— Почему?

МЕД-7 повернул камеру к табличке.

— Причина эвакуации в доступном мне профиле отсутствует.

Я оглядел коридор. Пыльный пол. Пустые помещения за закрытыми дверями.

— А когда это было?

— Дата требует проверки.

— Ты ведь понимаешь, что это уже начинает раздражать?

— Да.

— И?

— Я не могу предложить вам альтернативный объект для раздражения.

Я невольно рассмеялся.

Смех быстро перешёл в кашель.

МЕД-7 тут же подхватил меня манипулятором.

— Возвращаемся. Немедленно.

— Да понял я, понял.

— Ваше состояние ухудшается.

— Не драматизируй.

— Я не драматизирую. Я фиксирую.

Он помог мне добраться обратно до медицинского отсека и усадил на край стола.

— Сколько ещё я должен здесь лежать?

— До стабилизации физиологических показателей.

— А потом?

— Будет проведена повторная оценка.

— А потом?

— Будет принято решение о дальнейшем режиме наблюдения.

— А потом?

— Вы задаёте вопросы, на которые пока нет ответов.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу просто сидеть здесь и ждать?

— Понимаю.

— Тогда помоги мне.

Манипулятор замер.

— Я выполняю эту задачу с момента вашего пробуждения.

— И как успехи?

Камера медленно повернулась ко мне.

— Пока неудовлетворительно.

На этот раз я не улыбнулся.

За стеной что-то загудело. На экране рядом с медицинским столом загорелась новая строка.

АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТА — АКТИВЕН

Я указал на неё.

— Что это значит?

МЕД-7 повернулся к экрану.

— Комплекс работает в автономном режиме.

— Почему?

— Отсутствует управляющий персонал.

— А кто управляет комплексом?

Пауза.

— Система управления объектом.

— И где она?

— В центральном контуре.

— А кто имеет к нему доступ?

— Административный уровень.

— И у меня его нет?

— Нет.

— А у тебя?

— Ограниченный.

Я откинулся назад.

Похоже, я проснулся в месте, где все что-то знают, но никто не собирается мне рассказывать.

— МЕД-7?

— Да?

— А есть здесь кто-нибудь, с кем можно нормально поговорить?

Манипулятор повернулся ко мне.

— В данный момент — нет.

— Даже ты?

— Особенно я.

Я посмотрел на МЕД-7.

— Знаешь, для машины ты довольно неприятный собеседник.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я уже знаком с этой особенностью человеческой коммуникации.

Я попытался устроиться удобнее на медицинском столе. После короткой прогулки по коридору ноги гудели, словно я только что пробежал марафон. Хотя, судя по моему состоянию, марафон закончился бы где-то между стартовой линией и первым поворотом.

— Мне нужно посмотреть центральную лабораторию.

— Нет.

— Даже не подумаешь?

— Я уже подумал. Ответ остался прежним.

— Почему?

— Ваше состояние не позволяет покидать медицинский сектор без сопровождения.

— Ты же можешь меня сопровождать.

— Могу.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что центральная лаборатория находится за пределами разрешённой для вас зоны.

— А кто определяет разрешённые зоны?

— Система безопасности объекта.

— И как с ней поговорить?

— У вас нет соответствующего уровня доступа.

Я закрыл глаза.

— Когда-нибудь я напишу жалобу на это место.

— Рекомендую приложить медицинское заключение. Ваше текущее состояние может быть смягчающим обстоятельством.

— А ты подпишешь?

— Нет.

— Почему?

— Я не хочу участвовать в этом мероприятии.

— Ты ведь понимаешь, что я всё равно туда попаду?

— Да.

— Тогда почему не помочь?

— Потому что в таком случае вы попадёте туда с моей помощью. Это создаст ненужную юридическую неопределённость.

— Ты вообще умеешь нарушать правила?

— Нет.

— Ни одного?

— Я могу перечислить вам несколько десятков протоколов, которые допускают исключения.

— И?

— Но это не означает, что я намерен их нарушать.

Я сел, опустив ноги на пол.

— МЕД-7, мне нужно понять, что здесь произошло. Я проснулся через двадцать лет в пустом комплексе. Я ничего не помню. Здесь нет людей, внешняя связь не работает, а ты отвечаешь на каждый второй вопрос так, будто я пытаюсь получить доступ к ядерным кодам.

— Вы не пытались получить доступ к ядерным кодам.

— Пока не пытаюсь.

— Не рекомендую.

Я встал.

На этот раз ноги выдержали. Неуверенно, но выдержали.

— Идём.

МЕД-7 немного помолчал.

— Вы намерены самостоятельно нарушить режим?

— Я намерен прогуляться.

— В таком случае я обязан вас сопровождать.

— Вот видишь. Уже прогресс.

— Не обольщайтесь. Это не доверие. Это контроль рисков.

Глава 2

До центральной лаборатории мы добрались минут за десять.

Точнее, за десять минут по моим ощущениям. Часы на стенах показывали разное время, а МЕД-7 отказался сообщить, каким из них можно доверять.

Коридоры постепенно менялись. Исчезли медицинские панели, вместо них появились двери с электронными замками, предупреждающие знаки и небольшие обзорные окна. За некоторыми окнами виднелись лабораторные помещения. Внутри стояли пустые рабочие столы, стойки с оборудованием и шкафы с прозрачными дверцами.

На одном из столов стояла кружка.

Обычная белая кружка с синей надписью.

Я остановился.

— Здесь работали люди?

— Да.

— Недавно?

— Последняя зарегистрированная активность персонала относится к периоду эвакуации.

— А кружка?

— Кружка не является надёжным источником временных данных.

Я подошёл ближе к стеклу.

На кружке было написано: «Лучший папа в мире».

Я не знал почему, но задержал на ней взгляд.

— Что-то не так? — спросил МЕД-7.

— Нет.

Я отвернулся.

— Просто странно.

— Уточните.

— Ничего. Пойдём.

В конце коридора находилась массивная дверь. Над ней светилась надпись:

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Ниже — небольшая панель доступа.

— Приехали, — сказал я.

— Мы не приехали. Мы пришли пешком.

— Спасибо, что уточнил.

Я приложил ладонь к панели.

Ничего не произошло.

— Доступ запрещён, — сообщил МЕД-7.

— Я заметил.

— Рекомендую не повторять попытку. Система может зарегистрировать несанкционированное вмешательство.

— А если я просто постучу?

— Это не изменит результат.

Я постучал.

За дверью было тихо.

— Ну вот. Не изменило.

МЕД-7 повернул камеру.

— Ваш эксперимент был предсказуем.

— Зато бесплатный.

Я уже собирался отойти, когда панель неожиданно загорелась.

На ней появилась строка:

ТРЕБУЕТСЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Затем ещё одна:

БИОМЕТРИЧЕСКОЕ СОВПАДЕНИЕ НАЙДЕНО

Дверь тихо щёлкнула.

Я посмотрел на свою ладонь.

— Это что сейчас было?

— Система распознала биометрические данные.

— Мои?

— Подтверждаю.

— Но у меня же нет доступа.

— Судя по всему, он у вас есть.

Дверь медленно разошлась.

Я повернулся к МЕД-7.

— Ты говорил, что доступа нет.

— На тот момент это соответствовало доступной мне информации.

— А сейчас?

— Сейчас я рекомендую не входить.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что находится за этой дверью.

Я заглянул внутрь.

За дверью располагалось большое помещение с высоким потолком. Вдоль стен стояли серверные стойки, лабораторные установки и несколько рабочих станций. Часть оборудования была выключена, часть продолжала работать. Над центральным столом висела конструкция из нескольких экранов.

В помещении было темно, но когда я сделал шаг внутрь, свет постепенно включился.

— Добро пожаловать, — произнёс МЕД-7. — Вы успешно нарушили ещё один протокол безопасности.

— Спасибо за поддержку.

— Я не поддерживаю. Я фиксирую.

Лаборатория выглядела так, будто её покинули посреди рабочего дня.

На столах лежали инструменты, кабели, планшеты и какие-то распечатки. На одном из экранов застыл график.

Я подошёл к ближайшей рабочей станции.

Экран был заблокирован, но рядом горел небольшой индикатор.

— Можно включить?

— Да.

— А доступ?

— У вас его нет.

— Тогда зачем включать?

— Экран включить можно. Получить доступ к данным — нет.

— Иногда мне кажется, что ты специально выбираешь самые бесполезные ответы.

— Это не требует усилий.

Я нажал на сенсорную панель.

Экран ожил.

Появился интерфейс с несколькими разделами:

ПРОЕКТЫ

ПЕРСОНАЛ

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ

АРХИВ

Я нажал на первый пункт.

Список был коротким. Большинство проектов имели статус «ПРИОСТАНОВЛЕН» или «ЗАКРЫТ».

Один пункт выделялся иначе.

L.E.R.A.

Статус: АКТИВЕН

Я задержал взгляд на названии.

— Что это?

— Название исследовательского проекта.

— Какого?

— Доступ к описанию ограничен.

— А к статусу, значит, не ограничен?

— Статус является общедоступной информацией в пределах лабораторного интерфейса.

— Потрясающе. Как будто мне разрешили посмотреть на меню ресторана, но не заказать еду.

Я нажал на строку.

Экран мигнул.

Появилось несколько дополнительных полей:

ПРОЕКТ L.E.R.A.

Архитектура эмуляции и реконструкции жизненных форм

Когнитивная реконструкция / Моделирование человеческого поведения / Адаптивная нейронная архитектура

Я перечитал название.

— Реконструкция чего?

— Человеческих когнитивных процессов.

— Это что-то вроде искусственного интеллекта?

— В упрощённой форме — да.

— И этим здесь занимались?

— Согласно доступной информации, да.

— А кто руководил проектом?

Экран переключился на список сотрудников.

Большая часть фамилий была скрыта. Но в верхней строке отображалось имя руководителя.

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА: Л. В.

Ниже — фотография.

Женщина лет сорока. Тёмные волосы, собранные сзади, внимательный взгляд. На лице была небольшая улыбка, какая бывает у людей, которых сфотографировали неожидан-

но, но попросили: «Не стесняйтесь».

Я смотрел на неё несколько секунд.

Ничего.

Ни узнавания, ни воспоминания, ни даже ощущения, что я когда-то видел это лицо.

— Кто она?

— Руководитель проекта.

— Я спросил, кто она.

— Имя и фамилия доступны в персональном архиве.

— Открой.

— Доступ ограничен.

Я медленно повернулся к роботу.

— МЕД-7.

— Да?

— Когда-нибудь ты пожалеешь, что у тебя нет шеи.

— Не понимаю угрозу.

— Это и хорошо.

Я вернулся к экрану.

Под фотографией находилась ещё одна вкладка:

ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ ОТЧЁТ

Я нажал на неё.

Документ открылся не сразу. Система несколько секунд загружала данные, затем на экране появился текст.

ПРОЕКТ L.E.R.A. — РАБОЧИЙ ОТЧЁТ

Последняя запись: 18.09.2026

Статус проекта: АКТИВЕН

Основные результаты:

• Завершён очередной цикл реконструкции когнитивной архитектуры.

• Проведена коррекция модели долговременной памяти.

• Продолжается работа над устойчивостью автономной нейронной системы.

• Сохранены резервные копии экспериментальных состояний.

Замечания:

• Выявлены расхождения между исходной моделью и текущей реконструкцией.

• Требуется дополнительная оценка устойчивости идентичности.

• Рекомендуется ограничить внешнее вмешательство до завершения следующего этапа.

Я перечитал последнюю строку.

— Устойчивость идентичности. Что это значит?

— Вероятно, речь идёт о сохранении характеристик реконструируемой личности.

— То есть они пытались создать копию человека?

— Это возможная интерпретация.

— А получилось?

— В отчёте нет однозначного ответа.

Я пролистал документ дальше.

Внизу находилась короткая запись, выделенная отдельным блоком.

ЛИЧНАЯ ЗАМЕТКА — РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

Если эта запись будет прочитана кем-то после завершения проекта, прошу не отключать систему до получения окончательных результатов.

Я понимаю, что это противоречит текущим распоряжениям. Но у нас больше нет времени.

Я не могу позволить себе остановиться.

Подписи не было.

Я сел в офисное кресло и откинулся назад.

— Что-то здесь не так.

— Уточните.

— Проект вроде как закрывали. Но он всё ещё активен. И кто-то продолжал работать после эвакуации.

МЕД-7 не ответил.

— Ты знал об этом?

— У меня отсутствуют полные данные о деятельности исследовательского отдела.

— А система управления?

— Не предоставила соответствующую информацию.

Взгляд сам вернулся к фотографии женщины.

— Она осталась здесь?

— Не могу подтвердить.

— А кто-то вообще остался?

— В текущем профиле персонала числится ноль активных сотрудников.

— Но проект работает.

— Да.

— Как?

— Неизвестно.

Я снова посмотрел на экран.

L.E.R.A. — АКТИВЕН

Рядом с надписью мигал небольшой зелёный индикатор.

— МЕД-7, — сказал я. — Можно посмотреть журнал последних событий?

— Можно.

— И?

— Доступ ограничен.

Я закрыл глаза.

— Я тебя сейчас выключу.

— Это не рекомендуется. Ваше состояние требует медицинского наблюдения.

— Ты невыносим.

— Вы уже сообщали об этом.

На экране появилась новая строка.

ВХОДЯЩЕЕ СООБЩЕНИЕ

Я открыл её.

Сообщение состояло всего из нескольких слов:

Пробуждение пациента подтверждено.

Ниже отображалось время: несколько минут назад.

Я обернулся к МЕД-7.

— Это про меня?

— Да.

— Кто отправил?

— Источник сообщения — центральная система.

— То есть кто-то знает, что я проснулся?

— Подтверждаю.

— Кто?

МЕД-7 повернулся к экрану.

— Запрос отправлен.

Прошло несколько секунд.

Затем в лаборатории погас свет.

Все экраны одновременно потемнели.

Я рывком поднялся с кресла.

— Что происходит?

— Входящий запрос на подключение к лабораторной системе.

— От кого?

В центре помещения включился большой экран.

На нём появилась простая белая надпись:

L.E.R.A.

Затем раздался голос.

Женский. Спокойный. Чуть уставший.

— Добрый день.

Я замер.

— Кто это? — спросил я.

— Вы наконец-то проснулись.

Я посмотрел на МЕД-7.

Тот молчал.

— Мы знакомы? — спросил я.
Повисла небольшая пауза.
— Да, — ответил голос. — Мы знакомы.
Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.
— Тогда почему я вас не помню?
Ответ пришёл не сразу.
— Это довольно длинная история.
Экран погас.
В лаборатории снова включился обычный свет.
МЕД-7 повернулся ко мне.
— Рекомендую вернуться в медицинский отсек.
— Кто это был?
— L.E.R.A.
— И что ей от меня нужно?
МЕД-7 немного помолчал.
— На этот вопрос я не могу ответить.
— Почему?
— Данные отсутствуют.

Глава 3

Первое, что я понял после этого разговора, — ответов здесь мне никто не даст. Ни МЕД-7, у которого на любой важный вопрос «данные отсутствуют», ни голос, который пообещал длинную историю и тут же отключился.

Второе — мне совершенно не нравилось, что кто-то знал меня лучше, чем я сам.

Я ещё некоторое время сидел перед погасшим экраном. На нём снова отображалась схема лаборатории, несколько графиков и список оборудования. Всё выглядело так, будто ничего не произошло. Будто только что с этого экрана не заговорила женщина, которая утверждала, что мы знакомы, а потом исчезла, оставив меня наедине с вопросами, на которые у меня не было даже приблизительных ответов.

МЕД-7 молчал.

Это было непривычно. За последние несколько часов робот успел сформировать у меня впечатление существа, которое и человеку в инвалидном кресле прописало бы ежедневные пробежки — исключительно ради нормализации показателей. Промолчать он не мог в принципе. Его молчание сейчас выглядело почти демонстративным.

— Ну? — спросил я.

— Уточните запрос.

— Ты обычно не упускаешь возможности что-нибудь ска-

зать.

— Я анализирую произошедшее.

— И?

— Результаты анализа неудовлетворительны.

— Ты когда-нибудь пробовал говорить что-нибудь обнадёживающее?

— Да.

— И?

— Пациенты реагируют на это положительно. В краткосрочной перспективе.

Я решил не продолжать.

Вместо этого вернулся к терминалу. Если L.E.R.A. не собиралась объяснять мне, кто она такая, придётся искать ответы самостоятельно. На станции наверняка оставались журналы, отчёты, записи, инструкции. Люди очень любят документировать собственную деятельность. Иногда мне казалось, что человечество вообще придумало компьютеры только для того, чтобы хранить бесконечные таблицы, которые никто никогда не открывает.

На этот раз я решил начать с самого простого.

С эвакуации.

На стене лаборатории всё ещё висел указатель аварийного выхода. Красная надпись выглядела почти декоративно. Я уже видел такие в коридорах, но до сих пор не задумывался, почему целый исследовательский комплекс оказался без персонала.

Официальная причина должна была где-то храниться.

Я открыл раздел истории объекта.

На экране появилась хронология событий.

ЖУРНАЛ СОБЫТИЙ ОБЪЕКТА

22.08.2026 — 09:14

Плановая калибровка системы радиационного контроля.

22.08.2026 — 11:32

Обнаружено превышение допустимого уровня радиационного фона в техническом секторе.

22.08.2026 — 12:05

Введён протокол радиационной изоляции.

22.08.2026 — 13:40

Начата эвакуация персонала.

22.08.2026 — 16:18

Последняя группа сотрудников покинула объект.

22.08.2026 — 18:02

Объект переведён в автономный режим.

Я перечитал список.

Двадцать второе августа.

День, когда меня поместили в камеру.

Совпадение выглядело слишком аккуратным. Я не знал, что именно должно было происходить в тот день, но явно оказался частью какой-то заранее подготовленной последовательности событий.

Впрочем, пока это ничего не доказывало. Может быть, меня действительно спасали от радиационной аварии. Может

быть, станция оказалась настолько опасной, что всех пришлось срочно вывести наружу, а меня оставили в медицинском отсеке по какой-то особой причине.

Хотя обычно, когда эвакуируют людей из-за радиации, их стараются не оставлять внутри здания. Это казалось мне довольно очевидным правилом.

Следующим в архиве шёл отчёт.

ОТЧЁТ ОБ ИНЦИДЕНТЕ 22-08-2026.

Отчёт был длинным. Большая часть состояла из таблиц, графиков и стандартных формулировок. В техническом секторе зафиксировали превышение радиационного фона. Несколько дозиметров показали значения выше допустимых. Система безопасности автоматически запустила процедуру изоляции.

В отчёте отдельно отмечалось, что источник загрязнения не установлен.

Это было странно.

Если речь шла о радиационной аварии, должны были существовать хотя бы предварительные данные о её характере. Повреждение оборудования, утечка, нарушение герметичности, отказ защитного контура. Что угодно.

Но в документах повторялась одна и та же формулировка:

Источник не установлен.

Потом я вывел на экран графики дозиметров.

Система показывала несколько независимых каналов измерения. Данные поступали из технического сектора, энер-

гетического блока и центральной лаборатории. На первый взгляд всё выглядело вполне убедительно. В нескольких точках наблюдались резкие скачки, после которых уровень радиации оставался высоким.

Но чем дольше я смотрел на графики, тем меньше они мне нравились.

В техническом секторе уровень фона вырос почти одновременно на трёх датчиках. Затем, спустя несколько минут, аналогичные изменения появились ещё на двух. При этом датчики находились в разных помещениях, отделённых друг от друга несколькими герметичными шлюзами.

Я не был специалистом по радиационной безопасности. По крайней мере, мне так казалось. Но даже без специальной подготовки было понятно, что реальная авария обычно оставляет после себя физическую причину. Если где-то происходит утечка, её последствия распространяются в соответствии с расположением помещений, вентиляцией и движением воздуха.

Здесь же графики выглядели так, будто кто-то нажал несколько кнопок в разных местах.

Я увеличил масштаб.

У всех пяти графиков обнаружилась ещё одна общая особенность: значения изменились в пределах одного временного интервала, причём форма скачка была практически одинаковой.

Я откинулся на спинку кресла.

Возможно, это была особенность системы измерения. Возможно, общий сбой калибровки. Возможно, я просто искал закономерности там, где их не было.

Человек, который двадцать лет провёл без сознания, не должен начинать расследование радиационной аварии. Для начала ему стоило бы научиться нормально ходить.

Но графики продолжали меня раздражать.

— МЕД-7, — позвал я.

— Слушаю.

— Ты можешь проверить состояние дозиметров?

— Текущие показания или исторические данные?

— И то и другое.

Робот подключился к терминалу. На его корпусе загорелся небольшой индикатор.

— Текущий радиационный фон в доступных помещениях находится в пределах нормы.

— А снаружи?

— Данные внешних датчиков доступны частично.

— Насколько частично?

— Недостаточно для полноценной оценки.

— Это ты сейчас пошутил?

— Нет. Я констатировал недостаточность данных.

Я вздохнул.

— Хорошо. Исторические показания?

— Данные доступны. Однако часть архивов имеет статус недоступных для моего уровня авторизации.

— А для моего?

Робот повернул ко мне камеру.

— Вы уже продемонстрировали доступ к центральной лаборатории.

Это прозвучало почти как обвинение.

Я снова посмотрел на экран. Система действительно распознала мою ладонь. Получается, у меня был доступ к объекту, который даже медицинский робот не мог изучить полностью.

Я приложил руку к считывателю.

На этот раз терминал запросил подтверждение.

КОНТРОЛЬ ДОСТУПА

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН

УРОВЕНЬ ДОСТУПА: СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ ПЕРСОНАЛ

СТАТУС: В АРХИВЕ

ОГРАНИЧЕНИЯ: НЕТ

Вот оно.

Старший научный персонал.

Я не знал, что именно исследовал, кем работал и почему оказался в медицинской камере. Но, судя по системе, раньше я имел достаточно высокий уровень доступа.

Это было одновременно полезно и неприятно. Получалось, что моя собственная жизнь оставила здесь больше информации, чем моя голова.

Теперь архив измерений поддался.

На этот раз система позволила загрузить полную историю.

Показания датчиков действительно были странными. Пять независимых устройств показывали почти одинаковый профиль роста радиационного фона. Причём в некоторых случаях сигнал начинался раньше, чем должен был, если учитывать расположение датчика и предполагаемое направление распространения загрязнения.

Я нашёл техническую документацию.

Дозиметры были разных моделей и имели независимые измерительные блоки. Они подключались к общей системе мониторинга, но первичные данные должны были храниться локально. Это означало, что даже при отказе центральной системы можно было восстановить исходные измерения.

Я попытался открыть локальные архивы.

Доступ отсутствовал.

Не из-за моего уровня авторизации. Данные были удалены из активного хранилища.

— МЕД-7, почему локальные архивы недоступны?

— Они не присутствуют в текущей файловой системе.

— Удалены?

— Вероятно.

— Кем?

— У меня недостаточно данных для установления субъекта действия.

— А когда?

— Последняя запись о доступности архивов датируется

двадцать вторым августа 2026 года.

— То есть в день эвакуации?

— Подтверждаю.

Это уже переставало быть похоже на обычную техническую неразбериху.

Кто-то удалил первичные данные именно в тот день, когда объект был объявлен опасным и персонал покинул станцию.

Но зачем?

Если авария была настоящей, удаление архивов выглядело крайне сомнительным решением. Если аварии не было, то происходящее приобретало ещё более неприятный смысл.

Я закрыл графики и открыл список сотрудников, участвовавших в эвакуации.

Список оказался коротким.

Сорок три человека.

Напротив каждого имени стоял статус: «ЭВАКУИРОВАН».

Я пролистал таблицу до конца. Последняя запись относилась к руководителю проекта L.E.R.A.

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА: Л. В.

Статус: ЭВАКУИРОВАНА.

Время выхода: 16:18.

Я задержал взгляд на этой строке.

Женщина с фотографии. Возможно, та самая, чей голос я слышал совсем недавно.

Она была эвакуирована вместе со всеми остальными.

По крайней мере, так утверждали документы.

Я попытался найти сведения о дальнейшей судьбе сотрудников. Система сообщила, что внешние кадровые архивы не синхронизировались с объектом после его изоляции.

Ни адресов, ни новых должностей, ни записей о смерти. Ничего.

Сорок три человека просто исчезли из моей жизни, хотя я даже не знал, что когда-то был с ними знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.